

ДИСКУССИЯ НОМЕРА: ИСТОКИ ТЕОРИИ ЭТНОСА: С.М. ШИРОКОГОРОВ И ДРУГИЕ

ЭО, 2006 г., № 3

© А.М. Кузнецов

ВВЕДЕНИЕ К ДИСКУССИИ

В последнее время в российской науке возрос интерес к научному наследию и в первую очередь к теории этноса российского исследователя Сергея Михайловича Широкого (1887–1939). Ряд публикаций, касающихся биографии и идей этого неординарного автора, был представлен и на страницах журнала "Этнографическое обозрение". Их появление тем более примечательно, что в течение долгого периода (с конца 1920-х до конца 1960-х годов прошлого века) не только работы, но и само имя этого замечательного ученого оставались в нашей стране если и не в абсолютном забвении, то, по крайней мере, в "умолчании". Надо отдать должное Ю.В. Бромлею, который первым решил разорвать эту завесу и не просто покритиковать "заблуждавшегося" эмигранта, а положительно оценить его вклад в развитие теории этноса. Значение этого поступка директора Института этнографии АН СССР становится более понятным в силу того обстоятельства, что органы НКВД Приморья включили антрополога Императорской Академии наук С.М. Широкого в список лиц, причастных контрреволюционной деятельности (ГАПК: 9 об.). Однако внедренная в начале 1950-х–1970-х годов в советскую этнографию "более передовая, новая" версия данной теории, согласованная с основными положениями марксизма-ленинизма и сталинской теории наций, оставляла в условиях тех лет немарксисту Широкому место разве что в историографии проблемы этноса. Не случайно к идеям этого исследователя у нас обратились только после "перестройки" и последовавшего вслед за ней критического пересмотра опыта развития советской этнографии.

Между тем за рубежом российского ученого не теряли из вида. Работы его последних лет публиковались преимущественно на английском, а также немецком и французском языках. В зарубежной социально-культурной антропологии (либо этнологии) были востребованы публикации С.М. Широкого по проблемам этнографии, языкознания и физической антропологии тунгусо-маньчжурских общностей. Значение его исследований было оценено так высоко, что, например, готовившийся им на протяжении длительного времени тунгусо-русский / русско-тунгусский словарь был отпечатан посредством полиграфического воспроизведения рукописного оригинала в Японии в 1944 г. в условиях продолжающейся мировой войны (*Shirokogoroff* 1944). Широкою известностью получили также работы С.М. Широкого по проблемам шаманизма. Ни один серьезный автор, занимавшийся изучением этого примечательного явления, от М. Элиаде до Ким Тегона, не обходил вниманием идеи российского ученого. Не менее показательно и то, что с 1960-х годов основные монографии С.М. Широкого, включая "Социальную организацию северных тунгусов" и "Психоментальный комплекс тунгусов", начали переиз-

Анатолий Михайлович Кузнецов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической антропологии Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток).

даваться в США (*Shirokogoroff* 1966, 1973, 1982), а также были переведены в Японии и в Китае (1964, 1967, 1984 и 1989 гг.).

Как показали опросы зарубежных коллег во время конгресса Европейской ассоциации социальных антропологов и ряда других международных конференций, имя С.М. Широкогорова в англоязычных и некоторых других странах в основном хорошо знают те специалисты, которые связаны с изучением этнографии Сибири и Дальнего Востока, а также с исследованиями шаманизма. Несколько другая ситуация в Австрии и Германии. Во время бесед автора с австрийским антропологом А. Гингрихом и сотрудниками немецкого Института социальной антропологии им. Макса Планка подтвердилось, что российский исследователь и его идеи в целом хорошо знакомы специалистам старшего поколения в этих двух странах. Они учились в 1950-е–1960-е годы по учебникам В. Мюльмана (ученика Р. Турнвальда), в которых излагались некоторые взгляды С.М. Широкогорова.

Благодаря влиянию немецкой этнологии идеи российского исследователя получили также распространение и в ЮАР. Поэтому появление в 1980-е годы статей У. Йохансена (*Йохансен* 2002) и П. Скальника (*Skalník* 1988, см. также перевод его статьи в настоящем номере), освещающих роль идей С.М. Широкогорова в развитии немецкой и южноафриканской антропологии, не было случайным. По данным аспиранта ДВГУ и магистранта университета Киото О.С. Пахомова, в настоящее время этот российский исследователь остается одним из самых известных и уважаемых и среди японских этнографов. Неудивительно, что имя С.М. Широкогорова уже включено в различные международные энциклопедические словари и справочники по антропологии (напр., *Gillard* 2004).

Однако, как мне представляется, за рубежом так и не были восприняты в полной мере теоретические идеи замечательного российского этнолога и прежде всего его концепция этноса, представленная в ряде работ (*Shirokogoroff* 1924, 1934, 1936). Главная причина отсутствия повышенного интереса к тому, что, возможно, составляет важнейшую часть наследия С.М. Широкогорова, связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, некоторые положения, лежащие в основе концепции этноса С.М. Широкогорова, были разработаны самостоятельно другими западными исследователями. Так, основатели французской Школы Анналов М. Блок и Л. Февр предложили еще в 1930-е годы теорию ментальности, которая во многом совпадает с теорией психоментального комплекса С.М. Широкогорова. Близкие взгляды затем получили развитие и в различных направлениях психологической антропологии США. Основное различие между подходами С.М. Широкогорова и зарубежных специалистов в этой области заключается в том, что российский ученый стремился связывать все вопросы с проблемой этноса. Но, как известно, проблематика этничности стала активно разрабатываться в США и Великобритании, а также и в других странах лишь в начале 70-х годов прошлого века. К этому времени основная часть русскоязычных работ по теории этноса самого ее основоположника уже стала библиографической редкостью, а в переводах на английский язык активно пропагандировалась идеологизированная версия этой теории, разработанная Ю.В. Бромлеем и его последователями. Во-вторых, в области этнологии российская интеллектуальная традиция ориентирована, как правило, на рассмотрение различных общностей, в то время как западная направляет антропологов более на личностный фокус рассмотрения проблем. Поэтому, мне кажется, различные существующие концепции этничности не снимают значения теории этноса – они помогают анализировать определенные явления на разных уровнях, но, как известно, с теорией этноса они вместе с тем плохо стыкуются.

Впрочем, и в нашей стране теория этноса С.М. Широкогорова вызывала и вызывает неоднозначные мнения (представляется, что чаще это все же негативные оценки). При этом примечательно, что оппоненты теории этноса как таковой (В.А. Тишков) и сторонники концепции Ю.В. Бромлея (С.Е. Рыбаков и др.) сегодня работают преимущественно на индивидуально-центрическом уровне решения проблем "этнического". К со-

жалению, внимательное знакомство с основной частью публикаций, касающихся положений С.М. Широкогорова, также показывает, что нередко их авторы недостаточно хорошо с ними знакомы. В обсуждении они, как правило, ограничиваются двумя работами, опубликованными на русском языке (*Широкогоров* 1922, 1923), и к тому же часто руководствуются расхожими, но одновременно предвзятыми и малообоснованными интерпретациями (например, упреки в биологизации проблемы этноса и эссенциалистском ее характере). Поэтому приходится констатировать, что до настоящего момента как в нашей стране, так и за рубежом теория этноса в исходной редакции С.М. Широкогорова остается мало известной, а ее эвристический потенциал – в значительной степени неисчерпанным.

Предлагаемая в данном номере дискуссия призвана восполнить существующий пробел и несколько более детально ознакомить специалистов с теорией этноса С.М. Широкогорова в динамике ее развития (статья А.М. Кузнецова). Важное значение имеет также анализ роли биологического фактора в этой теории (статья В.Р. Филиппова). Большой интерес в данном контексте представляет публикация, в которой рассматриваются взаимоотношения концепций С.М. Широкогорова с теориями этноса в советском и южноафриканском варианте (статья П. Скальника). Хотелось выразить благодарность всем рецензентам, любезно предоставившим комментарии на публикуемые материалы. Надеемся, что данная дискуссия станет важным шагом в переосмыслении творчества С.М. Широкогорова, позволит развенчать необоснованные претензии, предъявляемые к его концепциям, и будет способствовать его возвращению в российскую науку как одного из крупных ученых-теоретиков.

Источники и литература

- ГАПК – Государственный архив Приморского края. Ф. 715. Оп. 1. Д. 50.
 Йохансен 2002 – Йохансен У. Влияние Сергея Михайловича Широкогорова на немецкую этнологию // Этнограф. обозрение. 2002. № 1. С. 139–143.
 Широкогоров 1922 – Широкогоров С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Введение в курс этнографии Дальнего Востока, прочитанный в 1921–1922 году в Дальневосточном государственном университете. Владивосток, 1922.
 Широкогоров 1923 – Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Изв. Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета. LXV II. Шанхай, 1923.
 Gaillard 2004 – Gaillard G. The Routledge Dictionary of Anthropologists. L., 2004.
 Skalnik 1988 – Skalnik P. Union soviétique – Afrique du Sud: les 'théories' de l'ethnos // Cahiers d'Etudes Africaines. 1988. № 110. P. 157–176.
 Shirokogoroff 1924 – Shirokogoroff S.M. Ethnical Unit and Milieu. Shanghai, 1924.
 Shirokogoroff 1934 – Shirokogoroff S.M. Ethnos: An Outline of Theory. Peiping, 1934.
 Shirokogoroff 1936 – Shirokogoroff S.M. La théorie de l'Ethnos et sa place dans le système des sciences anthropologiques // L'Ethnographie. N.S. 1936. № 32. P. 85–115.
 Shirokogoroff 1944 – Shirokogoroff S.M. A Tungus Dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus. Tokyo, 1944.
 Shirokogoroff 1966 – Shirokogoroff S.M. Social Organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of this groups). Oosterhout, 1966.
 Shirokogoroff 1973 – Shirokogoroff S.M. Social Organization of the Manchus: A Study of the Manchu Clan Organization. N.Y., 1973.
 Shirokogoroff 1982 – Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex of the Tungus. N.Y., 1982.